

На исходе дня

Дверной звонок ли, телефонный зуммер ли?
Иль ноет память, горькая досель?
Где сверстники мои? Иные— умерли.
А многие— за тридевять земель.

Годами, как рубахою смирительной,
спелёнат и не выпростаю рук.
Сужается воронкою стремительной
привязанностей прежних тесный круг.

На что наследье юности растратили?
На склоне жизни, на исходе дня
заслуженно в «старинные приятели»
мой старый друг разжаловал меня...

Ад земной

Разумеется, Данте велик
и Вергилий, его проводник,
именит, но едва ль достоверно
описание Ада—Инферно,
чьи подземные гроты они
обошли в стародавние дни.

Там искусны мучения плоти:
там гневливые тонут в болоте,
а убийцы— в кипящей крови,
там Иуда и Брут— визави
с пожирающим их сатанюю.
Ад питается плотью земною?

Но куда же уходит, греша,
христианка дурная— душа?
Разлучённая с миром греховным,
подвергается мукам духовным,
обречённая вечно страдать
за отказ принимать благодать.

Послесмертие это и надо
обозначить под именем Ада.
А трясины кровавых болот,
где снедает нас ужас, как плод
поедают садовые слизни,
назовём преисподнею жизни...

Как встарь

Августовская ночь... Потанцуем?
За окошком сияет луна.
Я тебе не даю поцелуем
досмотреть продолжение сна.

До конца календарного лета
остаётся лишь горсточка дней...
Ты стесняешься лунного света
и сдвигаешь портьеры плотней.

Но впотьмах не заблудятся губы,
и дыханья сольются, как встарь.
Мы друг дружке по-прежнему любы,
а у любящих свой календарь.

«Место захоронения неизвестно...»

Помянем дедушку Петра
победною весной!
Не виноваты доктора:
война тому виной,
что канул дедушка во мрак
в числе других больных
в могиле, общей, как барак
брюшнотифозный их.

У смерти логика своя:
нагрянула война—
и значит, каждая семья
отдать ей дань должна.
На поле брани пасть могли б
отец мой и дядья.
Но дед один за всех погиб...
до фронта не дойдя.

Не годный к службе строевой,
сражался не в бою—
как трудармеец рядовой
он принял смерть свою.
Залили хлоркой дедов прах
в одной из тысяч ям...
На чьих мы топчемся костях,
никто не скажет нам.

В ожидании героя

Юные нуждаются в кумирах.
С детства у читателей в чести
фэнтези, где немощных и сирых
сильные стараются спасти.

Маясь от назойливого стука
дождика ночного у крыльца,
вместо сказки лучше перечту-ка
записи покойного отца...

Скромному курсанту лётной школы,
лишь по сводкам знавшему врага,
в сорок третьем славный и тяжёлый
выпал жребий — Курская дуга.

Полк их, силу вражью перевесив,
стал подобен мстящему клинку.
Где судьбу испытывал Маресьев?
В этом истребительном полку!

Сдюжил, свылся с болью от протезов...
Накрепко запомнил мой отец
то, как, тройку «фокке-вульф» срезав,
ас пошёл снижаться наконец.

До аэродрома незадолго
кончился бензин, и верный Ла-
пятьый на одном лишь чувстве долга
долетел! Судьба не подвела.

И качали лётчики пилота
за его отвагу и талант.
И гордился этим отчего-то
мой отец, механик-практикант...

Персонажи сказочные круты,
я за добрый вымысел — горой,
но зовёт на подвиги не дутый,
не воображаемый герой.

Цифровое поколение

Пристрастья наши экзотичны.
Нам явь — иллюзии скучней.
У нас наушники-затычки
лапшой свисают из ушей.

Мы, став придатками к айфонам,
с экранов их не сводим глаз.
Звоним таким же пустозвонам.
Строчим строчилам вроде нас.

Давно отнятые от соски,
но чисто чадушки душой,
забыли мы наказ отцовский:
«Расти большой, не будь лапшой!»

Маски

Экранизатор сказок и легенд,
какой удел героям уготовишь?
Сюжетное клише киношных лент —
красавиц отдавать во власть чудовищ.
Историю про сорванный цветок,
которую поведал нам Аксаков,
в пример не ставьте: вовсе не жесток
её герой — лишь с виду одинаков
он с монстрами из мифов и былин.
Добросердечен грозный исполин!

Но истинно лихие персонажи —
как стали Змей с Кощеем и Ягой
незлыми по сценарию и даже
исполненными кротости благой?
Вручите бесам ангельские маски —
и демоны в раю найдут приют?
В жар-птиц не обратятся в русской сказке
стервятники, что души в нас клюют!
Пусть вид наружный будет одинаков,
не станет правдой ложь от смены знаков.

Вослед

На ступени движущихся лестниц
будним утром, ближе к девяти,
всходят стайки офисных прелестниц.
От иных и глаз не отвести.

Я ли зорче сделался с годами?
Или стала жизнь и впрямь сытей,
и природа чудными чертами
жалует щедрей своих детей?

В залах из бетона и металла,
в бухтах у лазоревых морей
граций воплощённых больше стало,
чем встречалось в юности моей.

С чувством правоты неколебимой
это подтвердит моя жена,
чья краса единственной любимой
трижды в дочерях отражена...

Со ступеней движущихся лестниц,
торопясь на службу к девяти,
сходят стайки дочкиных ровесниц.
Доброго, голубушки, пути!

Дай вам Бог удачи легкокрылой.
Нам же — помнить, глядяочи вослед:
нет на свете женщин краше милой,
как дороже дома — крова нет.